

ЧЕРНЫЙ МАГ
Михаил Булгаков

The Black Magician. Bulgakov's draft version of The Master and Margarita written in 1928-1929, with comments written by Victor Losev

From the archive section of
The Master and Margarita

<http://www.masterandmargarita.eu>

Webmaster

Jan Vanhellemont
Klein Begijnhof 6
B-3000 Leuven

+3216583866
+32475260793

Михаил Булгаков **ЧЕРНЫЙ МАГ**

Черновики романа. Тетрадь 1 1928 - 1929 гг.
Булгаков М.А. Великий канцлер. Князь тьмы.
М.: Гудьял-Пресс, 2000, сс.23-36

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

- Значит, гражданин Поротый, две тысячи рублей вы уплатили гражданину Иванову за дом в Серпухове?

- Да, так. Так точно, - уплатил я. Только при этом клятвенно говорю, не получал я от Воланда никаких денег! - ответил Поротый.

Впрочем, вряд ли в отвечавшем можно было признать председателя. Сидел скуластый исхудавший совсем другой человек, и жиденькие волосы до того перепутались и слиплись у него на голове, что казались кудрявыми. Взгляд был тверд.

- Так. Откуда же взялись у вас пять тысяч рублей? Из каких же уплатили? Из собственных?

- Собственные мои, колдовские, - ответил Поротый, твердо глядя.

- Так. А куда же вы дели полученные от Воланда въездные?

- Не получал, - одним дыханием сказал Поротый.

- Это ваша подпись? - спросил человек у Поротого, указывая на подпись на контракте, где было написано: "5 тысяч рублей согласно контракту от гр. Воланда принял".

- Моя. Только я не писал.

- Гм. Значит, она подложная?

- Подложная бесовская.

- Так. А граждане Корольков и Петров видели, как вы получили. Они лгут?

- Лгут. Наваждение.

- Так. И члены правления лгут? И общее собрание?

- Так точно, лгут. Им нечистый глаза отвел. А общего собрания не было.

- Ага. Значит, не было денег за квартиру?

- Не было.

- Были ваши собственные. Откуда они у вас? Такая большая сумма?

- Зародились под подушкой.

- Предупреждаю вас, гражданин Поротый, что, разговаривая таким нелепым образом, вы сильно ухудшаете ваше положение.

- Ничего. Я пострадать хочу.

- Вы и пострадаете. Вы меня время заставляете зря терять. Вы взятки брали?

- Брал.

- Из взяток составились пять тысяч?

- Какое там. По мелочам брал. Все прожито.

- Так. Правду говорите?

- Христом Богом клянусь. - Что это вы, партийный, а все время Бога упоминаете? Веруете?

- Какой я партийный. Так...

- Зачем же вступили в партию?

- Из корыстолюбия.

- Вот теперь вы откровенно говорите.

- А в Бога Господа верую, - вдруг сказал Поротый, - верую с сего десятого июня и во диавола.

- Дело ваше. Ну-с, итак, согласны признать, что из пяти тысяч, полученных вами за квартиру, две вы присвоили?

- Согласен, что присвоил две. Только за квартиру ничего не получал. А подпись вам тоже мерещится.

Следователь рассмеялся и головой покачал.

- Мне? Нет, не мерещится.

- Вы, товарищ следователь, поймите, - вдруг сказал проникновенно Поротый, - что я за то только и страдаю, что бес подкинул мне деньги, а я соблазнился, думал на старость угол себе в Серпухове обеспечить. Мне бы сообразить, что деньги под подушкой... Только я власть предупреждаю, что у меня во вверенном мне доме нечистая сила появилась. Ремонт в Советской России в день сделать нельзя, хоть это примите во внимание.

- Оригинальный вы человек, Поротый. Только опять-таки предупреждаю, что, если вы при помощи этих глупых фокусов думаете выскочить, жестоко ошибаетесь. Как раз наоборот выйдет.

- Полон я скверны был, - мечтательно заговорил Поротый, строго и гордо, - людей и Бога обманывал, но с ложью не дорогами ходишь, а потом и споткнешься. В тюрьму сяду с фактическим наслаждением.

- Сядете. Нельзя на общественные деньги дома в Серпухове покупать. Кстати, адрес продавца скажите.

- В 3-й Мещанской, купца Ватрушкина бывший дом.

- Так. Прочтите, подпишите. Только на суде потом не извольте говорить, что подпись бесовская и что вы не подписывали.

- Зачем же, - кротко отозвался Поротый, овладевая ручкой, - тут уж дело чистое, - он перекрестился, - с крестом подпишем.

- Штукарь вы, Поротый. Да вы прочтите, что подписываете. Так ли я записал ваши показания?

- Зачем же. Не обидите погибшего.

ЯКОБЫ ДЕНЬГИ

Интересно, как никому и в голову не пришло, что странности и вообще всякие необыкновенные происшествия, начавшиеся в Москве уже 12 июня, на другой же день после дебюта м-е Воланда, имели все один, так сказать, общий корень и источник и что источник этот можно было бы и проследить. Хотя, впрочем, мудреного особенно и нет. Москва город громадный, раскиданный нелепо, населения в нем как-никак два с половиной миллиона, да и население-то такое привычное ко всяким происшествиям, что оно уж и внимание на них перестало обращать.

В самом деле, что, скажем, удивительного в том, что 12 июня в пивной "Новый быт" на углу Триумфальной и Тверской арестовали гражданина? Арестовали за дело. Выпив три кружки пива, гражданин направился к кассе и вручил кассирше червонец. Хорошо, что бедная девушка опытным глазом увидела, что червонец скверный - именно на нем одного номера не было. Кассирша, неглупая девушка, вместо того чтобы со скандалом вернуть бумажку, сделала вид, что в кассе что-то

заело, а сама мигнула малому в фартуке. Тот появился у плеча обладателя червонца. Осведомились, откуда такой червонец малахольный, недоделанный? На службе получил... Любопытные лица. На службе, гражданин, таких червонцев сроду не давали. Гражданин в замешательстве к двери. Попридержали, через минуту красное кепи и - готово. Замели гражданина.

Второй случай вышел пооригинальнее. В кондитерской в Столешниковом переулке купил прилично одетый мужчина двадцать штук пирожных. К кассе. Кассирша в негодовании.

- В чем дело?

- Вы что, гражданин, даете?

- Как "что"? Черв...

Глядь, какой же это червонец! Кассирша злобно возвращает этикетку белого цвета. Написано: "Абрау-Дюрсо, полусухое".

- Что такое?! Ради Бога, извиняюсь...

Дает другой, тут уж скандал! Конфетная бумажка "Карамель фабрики Розы Люксембург - "Наш ответ Чемберлену".

- Прошу не хулиганить!!

Все приказчицы негодуют. Публика смотрит... Господин малиновый, еле выскочил из магазина, но его вернули, заставили заплатить за измятые в коробке пирожные. Он расплатился серебряной мелочью. А выбежавши, швырнул в канавку проклятые две бумажки, причем изумленный прохожий поднял их, развернул, увидел, что это червонцы, присвоил их.

На Мясницкой у почтамта в полдень громко разрыдалась девушка, торгующая с моссельпромовского лотка шоколадом. Оказалось, что какой-то негодяй вручил и так нищей, нуждающейся продавщице червонец, а когда она через некоторое время вынула его из жестяной коробочки, служившей ей кассой, увидела в руках у себя белый листок из отрывного календаря. Потом случаи стали все чаще, и все связаны они были с деньгами. В банке на углу Петровки и Кузнецкого арестовали кассира, потому что, сдавая дневную кассу контролеру, он сдал в пачке, перевязанной и им подписанной, вместо тысячи только семьсот и на триста резанных по формату лозунгов "Религия - яд, берегите ребят".

В частном галантерейном магазине на Арбате обнаружил хозяин в кассовом ящике вместо четырех червонных бумажек четыре билета в театр на революционную пьесу. Владелец магазина их рвал зубами.

В кассе месткома газеты "Звонок" во Дворце Труда случилось похуже. Там обнаружилась недостача денег в несгораемом шкафу, а вместо недостающих червонцев - пятьдесят штук троцкистских прокламаций самого омерзительного содержания. Секретарь, обнаруживший их, ничего никому не сказал, но уединился в телефонной будке, и через час трое людей в черных куртках увезли прокламации, а с ними двух беспартийных сотрудников "Звонка" неизвестно куда. Случаи превращения денег в черт знает что во второй половине дня стали настолько частыми, что о них тут только расплылся по столице слухок... Из одних трамваев раз двадцать высаживали субъектов, которые развязно протягивали кондукторам всякий хлам вроде, например, наклейки с коробки сардин "Маяк", как это было на Моховой улице.

На Смоленском рынке на закате солнца в подворотне произошла поножовщина по поводу брюк, купленных за вышедший в тираж лотерейный билет автодора. Человека зарезали с ловкостью и смелостью почти испанской.

Меж тем только один человек во всей Москве в тот же день проник в то место, о котором впоследствии только догадались... Человек этот, конечно, был буфетчик Варьете. Нужно отметить, что человек короткого роста и с веками, прикрывающими свиньи глазки крышечками, и моржовыми усами был меланхоликом. На лице у него царил не сходящее выражение скорби, и тяжкие вздохи непрерывно вырывались из его груди. Если ему приходилось платить восемь копеек в трамвае, он вздыхал так, что на него оборачивались.

В утро 12 июня, проверяя кассу, он нашел вместо одиннадцати червонцев одиннадцать страниц маленького формата из "Заколдованного места" Гоголя. Мы не

беремся описывать ни лицо буфетчика, ни его жесты, ни слова.

Он к полудню закрыл буфет, облачился в желтое летнее пальто, художническую шляпу и, несмотря на жару, в калоши и, вздохами оглашая окрестности, отправился на Садовую. У подъезда Варьете он продрался сквозь толпу, причем вздохнул многозначительно.

Через пять минут он уже звонил в третьем этаже. Открыл ему маленький человечико в черном берете. Беспрепятственно буфетчика пропустили в переднюю. Он снял калошки, аккуратно поставил их у стоечки, пальтишко снял и так вздохнул, что человечико обернулся, но куда-то исчез.

- Мессир, к вам явился человек.

- Впустите, - слышался низкий голос.

Буфетчик вошел и раскланялся, удивление его было так сильно, что на мгновение он забыл про одиннадцать червонцев.

Вторая венецианская комната странно обставлена. Какие-то ковры всюду, много ковров. Но стояла какая-то подставка, а на ней совершенно ясно и определенно золотая на ножке чаша для святых даров.

"На аукционе купил. Ай, что делается!" - успел подумать буфетчик и тут же увидел кота с бирюзовыми глазами, сидящего на другой подставке. Второй кот оказался в странном месте на карнизе гардины. Он оттуда посмотрел внимательно на буфетчика. Сквозь гардины на двух окнах лился в комнату странный свет, как будто в церкви в пламенный день через оранжевое стекло. "Воняет чем-то у них в комнате", - подумал потрясенный царь бутербродов, но чем воняет, определить не сумел. Не то жжеными перьями, не то какою-то химической мерзостью.

Впрочем, от мысли о воню буфетчика тотчас отвлекло созерцание хозяина квартиры. Хозяин этот раскинулся на каком-то возвышении, одетом в золотую парчу, на коей были вышиты кресты, но только кверху ногами.

"Батюшки, неужели же и это с аукциона продали?"

На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах черт знает что. Не то черные подштанники, не то трико. Все это, впрочем, буфетчик рассмотрел плохо. Зато лицо хозяина разглядел. Верхняя губа выбрита до синевы, а борода торчит клином. Глаза буфетчику показались необыкновенно злыми, а рост хозяина, раскинувшегося на этом... ну, Бог знает на чем, невероятным.

"Внушительный мужчина, а рожа кривая", - отметил буфетчик.

- Да-с? - басом сказал хозяин, прищуриваясь на вошедшего.

- Я, - поморгав, ответил буфетчик, - изволите ли видеть, содержатель-владелец буфета из Варьете.

- Не подумаю даже! - ответил хозяин.

Буфетчик заморгал, удивившись.

- Я, - продолжал хозяин, - проходил мимо вашего буфета, почтеннейший, и нос вынужден был заткнуть

.....

...Бегемот!

На зов из черной пасти камина вылез черный кот на толстых, словно дутых лапах и вопросительно остановился.

"Дрессированный, - подумал буфетчик, - лапы до чего гадкие!"

- Ты у канцлера был? - спросил Воланд.

Буфетчик вытаращил глаза.

Кот молчал. - Когда же он успеет? - слышался хриплый сифилитический голос из-за двери, - ведь это не ближний свет! Сейчас пошлю.

- Ну а в Наркомпросе?

- В Наркомпрос я Бонифация еще позавчера посылал, - пояснил все тот же голос.

- Ну?

- Потеха!

- Ага, ну ладно. Брысь! (Кот исчез в камине.) Итак, продолжайте, вы славно рассказываете. Так... Якобы деньги?.. Дальше-с...

Но буфетчик не сразу обрел дар дальнейших рассказов. Черненькое что-то стукнуло ему в душу, и он настороженными слезящимися глазками проводил Бегемота в камин.

- А они, стало быть, ко мне в буфет и давай их менять!
- О! Жадные твари! Но, позвольте, вы-то видели, что вам дают?
- То-то, что деньги совершенно как настоящие.
- Так что же вас беспокоит? Если они совершенно как настоящие...
- То-то, что сегодня, глядь, ан вместо червонцев резаная бумага.
- Ах, сволочь-народ в Москве! Но, однако ж, чего вы хотите от меня?
- Вы должны уплатить...
- Уплатить?!
- О таких фокусах администрацию надлежит уведомлять. Помилуйте, на 110 рублей подковали буфет.
- Я не хочу вам платить. Это скучно - платить.
- Тогда вынужден я буду в суд заявить, - твердо сказал буфетчик.
- Как в суд! Рассказывают, у вас суд классовый?
- Классовый, уж будьте спокойны.
- Не погубите сироту, - сказал плаксиво Воланд и вдруг стал на колени. "Полоумный или издевается", - подумал буфетчик.
- Лучше я вам уплачу, чем в суд идти. Засудят меня, ох засудят, как пить дадут,
- сказал Воланд. - Пожалуйте бумагу, я вам обменяю. Буфетчик полез в карман, вынул сверток, развернул его и ошалел.
- Ну-с, - нетерпеливо сказал хозяин.
- Червонцы!! - шепотом вскричал буфетчик.
- Воланд сделался грозен.
- Послушайте, буфетчик! Вы мне голову пришли морочить или пьяны?
- Что же это такое делается? - залепетал буфетчик.
- Делается то, что у вас от жадности в глазах мутится, - пояснил Воланд, вдруг смягчаясь. - Любите деньги, плут, сознайтесь? У вас, наверное, порядочно припрятано, э? Тысячки сто тридцать четыре, я полагаю, э?
- Буфетчик дрогнул, потому что, ляпнув наобум, по-видимому, цифру, Воланд угадал до последней копейки - именно в сумме 134 тысяч выражались сбережения буфетчика.
- Это никого не касается, - забормотал буфетчик, совершенно пораженный.
- Мне только одно непонятно, - продолжал артист Воланд, - куда вы их денете? Вы померете скоро, через год, в гроб вы их не запихнете, да они в гробу вам и не нужны...
- Попрошу вас не касаться моей смерти, - тихо ответил буфетчик и побледнел, и стал озирается. Ему сделалось страшно, отчего - он сам не знал.
- Я пойду, - добавил он, вращая глазами.
- Куда же вы так спешите? - любезно осведомился хозяин. - Оставайтесь с нами, посидите, выпьемте. Бонифаций превосходно приготовляет напиток. Отведайте, э?
- Благодарствуйте, я не пью, - просипел буфетчик и стал пятиться.
- Куда ж вы? - спросил вдруг сзади кто-то, и вынырнула рожа. Один глаз вытек, нос провалился. Одета была рожа в короткий камзольчик, а ноги у нее разноцветные, в полосах, и башмаки острые. На голове росли рыжие волосы кустами, а брови были черного цвета, и клыки росли куда попало. Тихий звон сопровождал появление рожи, и немудрено: рукава рожи, равно как и подол камзола, были обшиты бубенчиками. Кроме того, горб. То есть не то что выпивать с этой рожей...
- Хватим? - залихватски подмигнув, предложила рожа и пододвинулась к буфетчику. Рожа сняла с подставки святую чашу и поднесла ее буфетчику.
- Не пью, - шепотом ответил буфетчик, вдавился в переднюю, увидел на стене громадную шпагу с рукоятью чашей и затем совершенно голую девицу, сидящую верхом на кресле, отделанном черепахой. Увидев буфетчика, девица сделала такой жест, что у того помутилось в глазах. Не помня сам себя, буфетчик был выпущен на лестницу, и за ним тяжело хлопнула дверь.

Тут буфетчик сел прямо на ступеньку и тяжело дышал, глаза у него лезли из-под бровей, хоть пальцами их вдавливай. Он почему-то ощупал себя. И когда коснулся головы, убедился, во-первых, что она совершенно мокрая, а во-вторых, что он шляпу забыл в квартире Воланда. Затем он проверил сверток, червонцы были налицо. Солнце било на лестницу через окно Гулкие шаги слышались сверху. Поравнялась женщина, брезгливо поглядела на буфетчика и сказала:

- Вот так дом малахольный. Ну, с утра все пьяные, ну, прямо потеха. Э, дядя, у тебя червонцев-то, я вижу, курочки не клюют? - И вдруг уселась рядом, кокетливо ткнула буфетчика в ребро. Тот пискнул и машинально прикрыл червонцы ладошкой.

- Имею такой план, - интимно зашептала женщина, и буфетчик, безумно глядя ей в лицо, убедился, что она миловидна и не стара, - в квартире сейчас ни одной души, все рассосались, кто куда. Ты мне червончик, а уж я тебя ублагодарю. Водочка есть, селедочка. Я утром погадала, как раз мне вышла амурная постель с трефовым королем, а трефовый король - ты.

- Что вы? - воскликнул трефовый король болезненно и спрятал червонцы.

- Ты думаешь, может, что я проститутка? - спросила женщина. - Ничего подобного. Абсолютно честная женщина, муж счетоводом служит, можешь в домкоме справиться.

- Уйдите, Христа ради, - зашептал буфетчик, поднимаясь на дрожащие ноги.

Женщина поднялась, отряхнула юбку, подобрала корзиночку и двинулась вниз.

- Э, дурбалой, о, дурак, - сказала она, - вот уж, видно, рожна с маслом надо. Да другая бы, чтоб к тебе прикоснуться только, три красненьких бы слупила, а я, на тебе, червонец! А я с генерал-губернатором отношение имела, ежели знать угодно, можешь в домкоме справиться.

Голова ее стала исчезать.

- Пошел ты... - донеслось снизу и стихло.

Поборов усилием жадности страх, буфетчик нажал кнопку, услышал, как за дверью загрохотали колокола. Сделав громадные глаза, но решив больше не изнурять себя удивлением, втянув голову в плечи, буфетчик ждал. Дверь приоткрылась, он дрогнул, на черном фоне сверкнуло голое тело все той же девицы.

- Что вам? - сурово спросила она.

- Я шляпочку забыл у вас...

Рыжая голая рассмеялась, пропала в полутьме, и затем из двери вылетел черный ком и прямо в физиономию буфетчику. Дверь хлопнула, за нею послышался взрыв музыки и хохот, от которого буфетчик озяб. Всмотревшись, он охнул жалобно. В руках у него была не его шляпа, а черный берет, бархатный, истасканный, молю траченный. Буфетчик плаксиво пискнул и позвонил вторично. Опять открылась дверь, и опять голая обольстительно предстала перед буфетчиком.

- Вы опять?! - крикнула она. - Ах, да ведь вы и шпагу забыли? "Мать честная, царица не..." - подумал буфетчик и вдруг, взыв, кинулся бежать вниз, напав на себя берет. Дело в том, что лицо девицы на черном фоне явственно преобразилось, превратилось в мерзкую рожу старухи.

Как сумасшедший поскакал по ступеням буфетчик и внизу уже вздумал перекреститься. Лишь только он это сделал, как берет, взыв диким голосом, прыгнул у него с головы и галопом взвился вверх по лестнице.

"Вот оно что!" - подумал буфетчик, бледнея. Уже без головного убора он выбежал на расплавленный асфальт, зажмурился от лучей, уже не вмешиваясь ни во что, услышал в левом корпусе стекольный бой и женские визги, вылетел на улицу, не торгуясь в первый раз в жизни, сел в извозчию пролетку, прохрипел:

- К Николе...

Извозчик рывком: "Рублик!" Полоснул клячу и через пять минут доставил буфетчика в переулок, где в тенистой зелени выглянули белые чистенькие бока храма. Буфетчик ввалился в двери, перекрестился жадно, носом потянул воздух и убедился, что в храме пахнет не ладаном, а почему-то нафталином. Ринувшись к трем свечечкам, разглядел физиономию отца Ивана.

- Отец Иван, - задыхаясь, буркнул буфетчик, - в срочном порядке... об избавлении от нечистой силы...

Отец Иван, как будто ждал этого приглашения, тылом руки поправил волосы, всунул в рот папиросу, взобрался на амвон, глянул заискивающе на буфетчика, осатаневшего от папиросы, стукнул подсвечником по аналою...

"Благословен Бог наш..." - подсказал мысленно буфетчик начало молебных пений.

- Шуба императора Александра Третьего, - нараспев начал отец Иван, - ненадеванная, основная цена 100 рублей!

- С пятаком - раз, с пятаком - два, с пятаком - три!.. - отозвался сладкий хор кастратов с клироса из тьмы.

- Ты что ж это, оглашенный поп, во храме делаешь? - суконным языком спросил буфетчик.

- Как что? - удивился отец Иван.

- Я тебя прошу молебен, а ты...

- Молебен. Кхе... На тебе... - ответил отец Иван. - Хватился! Да ты откуда влетел? Аль ослеп? Храм закрыт, аукционная камера здесь!

И тут увидел буфетчик, что ни одного лика святого не было в храме. Вместо них, куда ни кинь взор, висели картины самого светского содержания.

- И ты, злодей...

- Злодей, злодей, - с неудовольствием передразнил отец Иван, - тебе очень хорошо при подкожных долларах, а мне с голоду прикажешь подышать? Вообще, не мучь, член профсоюза, и иди с Богом из камеры...

Буфетчик оказался снаружи, голову задрал. На куполе креста не было. Вместо креста сидел человек, курил.

Каким образом до своей резиденции добрался буфетчик, он не помнил. Единственно, что известно, что, явившись в буфет, почтенный содержатель его запер, а на двери повесил замок и надпись: "Буфет закрыт сегодня".

МУДРЕЦЫ

Нужно сказать, что, в то время как буфетчик переживал свое приключение, у здания "Варьете" стояла, все время меняясь в составе, толпа. Началось с маленькой очереди, стоявшей у двери "Ход в кассу" с восьми часов утра, когда только-только устанавливались очереди за яйцами, керосином и молоком. Примечательно появление в очереди мясистых рож барышников, обычно дежурящих под милыми колоннами Большого театра или у среднего подъезда Художественного в Камергерском. Ныне они перекочевали, и появление их было весьма знаменательно.

И точно: в "Варьете" было 2100 мест. К одиннадцати часам была продана половина. Тут Суковский и Нютон опомнились и кинулись куда-то оба. Через подставных лиц они купили билеты и к полудню войдя в контакт с барышниками, заработали: Суковский 125 рублей, а Нютон 90. К полудню стало страшно у кассы.

В двенадцать часов с четвертью на кассе поставлена заветная доска "Все билеты проданы на сегодня", и барышники, и просто граждане стали покупать на завтра и на послезавтра. Суковский и Нютон приняли горячее участие в операциях, причем не только никто ничего не знал об этом, /но и/ они друг о друге не знали.

В два часа барышники перестали шептаться: "Есть на сегодня два в партере", и лица их сделались загадочными. Действительно, публика у "Варьете" стала волноваться, к барышникам подходили, спрашивали:

"Нет ли?", и они стали отвечать сквозь зубы: "Есть кресло в шестом ряду - 50 рублей". Сперва от них испуганно отпрыгивали, а с трех дня стали брать.

В контору посыпались телефонные звонки, стали раздаваться солидные голоса, которым никак нельзя было отказать.

Все двадцать пять казенных мест Нютон расписал в полчаса, а затем пришлось разместить и приставные стулья для голосов, которые попроще. Все более к вечеру

выяснялось, что в "Варьете" будет что-то особенное. Особенного, впрочем, не мало было уже и днем - за кулисами.

Во-первых, весь состав служащих отравил жизнь Осипу Григорьевичу, расспрашивая, что он пережил, осматривали шею Осипа, но шея оказалась как шея, - безо всякой отметины... Осип Григорьевич сперва злился, потом смеялся, потом врал что-то о каком-то тумане и обмороке, потом врал, что голова у него осталась на плечах, а просто Воланд его загипнотизировал и публику, потом удрал домой. Рибби уверял всех, что это действительно гипноз и что такие вещи он уже двадцать раз видел в Берлине. На вопрос, а как же собака объявила:

"Сеанс окончен"? - и тут не сдался, а объяснил собачий поступок чревовещанием. Правда, Нютон сильно прижал Рибби к стене, заявив клятвенно, что ни в какие сделки с Воландом он не входил, а, между тем, две колоды отнюдь не потусторонние, а самые реальнейшие тут налицо. Рибби, наконец, объяснил их появление тем, что Воланд подсунул их заранее.

- Мудрено!

- Значит, фокус?!

Пожарный был прост и не врал. Сказал, что, когда голова его отлетела, он видел со стороны свое безголовое тело и смертельно испугался. Воланд, по его мнению, колдун.

Все признали, что колдун - не колдун, но действительно артист первоклассный.

Затем вышла "Вечерняя Газета" и в ней громовое сообщение о том, что Аполлона Павловича выбросили из должности в два счета. Следовало это сообщение непосредственно за извещением, исходящим от компетентного органа, укорявшего Аполлона Павловича в неких неэтических поступках. Каких именно - сказано не было, но по Москве зашептались, захихикали обыватели: "Зонтики... шу-шу, шу-шу..."

Вслед за "Вечерней Газетой" на головы Библейского и Ньютона обрушилась "молния".

"Молния" содержала в себе следующее:

"Маслов уверовал. Освобожден. Но под Ростовом снежный занос. Может задержать сутки. Немедленно отправляйтесь Исналитуч, наведите справки Воланде, ему вида не подавая. Возможно преступник. Педулаев".

- Снежный занос в Ростове в июне месяце, - тихо и серьезно сказал Нютон, - он белую горячку получил во Владикавказе. Что ты скажешь, Библейский?

Но Библейский ничего не сказал. Лицо его приняло серьезный старческий вид. Он тихо поманил Ньютона и из грохота и шума кулис и конторы увел в маленькую реквизитную. Там среди масок с распухшими носами две головы склонились.

- Вот что, - шепотом заговорил Библейский, - ты, Нютон, знаешь, в чем дело...

- Нет, - шепнул Нютон. - Мы с тобой дураки.

- Гм...

- Во-первых: он действительно во Владикавказе?

- Да, - твердо отозвался Нютон.

- И я говорю - да, он во Владикавказе.

Пауза.

- Ну, а ты понимаешь, - зашептал Робинский, - что это значит?

Благовест смотрел испуганно.

- Это. Значит. Что. Его отправил Воланд.

- Не мож...

- Молчи.

Благовест замолчал.

- Мы вообще поступаем глупо, - продолжал Робинский, - вместо того, чтобы сразу выяснить это и сделать из этого оргвыводы...

Он замолчал.

- Но ведь заноса нет...

Робинский посмотрел серьезно, тяжело и сказал:

- Занос есть. Все правда.

Благовест вздрогнул.

- Покажи-ка мне еще раз колоды, - приказал Робинский.

Благовест торопливо расстегнулся, нашарил в кармане что-то, выпучил глаза и вытащил два блина. Желтое масло потекло у него меж пальцев.

Благовест дрожал, а Робинский только побледнел, но остался спокоен.

- Пропал пиджак, - машинально сказал Благовест. Он открыл дверцу печки и положил в нее блины, дверцу закрыл. За дверкой слышно было, как сильно и тревожно замыкал котенок. Благовест тоскливо оглянулся. Маски с носами, усеянными крупными, как горох, бородавками, глядели со стены. Кот мяукнул раздирающе.

- Выпустить? - дрожа, спросил Благовест...

Он открыл заслонку, и маленький симпатичный щенок вылез весь в саже и скуля.

Оба приятеля молча проводили взорами зверя и стали в упор разглядывать друг друга.

- Это... гипноз... - собравшись с духом, вымолвил Благовест.

- Нет, - ответил Робинский.

Он вздрогнул.

- Так что же это такое? - визгливо спросил Благовест.

Робинский не ответил на это ничего и вышел.

- Постой, постой! Куда же ты? - вслед ему закричал Благовест и услышал:

- Я еду в Исналитуч. Воровски оглянувшись. Благовест выскочил из реквизиторской и побежал к телефону. Он вызвал номер квартиры Берлиоза и с бьющимся сердцем стал ждать голоса. Сперва ему почудился в трубке свист, пустой и далекий, разбойничий свист в поле. Затем ветер, и из трубки повеяло холодом. Затем дальний, необыкновенно густой и сильный бас запел, далеко и мрачно: "...черные скалы, вот мой покой.. черные скалы..." Как будто шакал захохотал. И опять: "черные скалы... вот мой покой..."

Благовест повесил трубку. Через минуту его уже не было в здании Варьете.

РОБИНСКИЙ СОЛГАЛ...

Робинский солгал, что он едет в Исналитуч. То есть поехать-то туда он поехал, но не сразу. Выйдя на Триумфальную, он нанял таксомотор и отправился совсем не туда, где помещался Исналитуч, а приехал в громадный солнечный двор, пересек его, полюбовавшись на стаю кур, клевавших что-то в выгоревшей траве, и явился в беленькое низенькое здание. Там он увидел два окошечка и возле правого небольшую очередь. В очереди стояли две печальнейших дамы в черном трауре, обливаясь время от времени слезами, и четверо смуглейших людей в черных шапочках. Все они держали в руках кипы каких-то документов. Робинский подошел к столику, купил за какую-то мелочь анкетный лист и все графы заполнил быстро и аккуратно. Затем спрятал лист в портфель и мимо очереди, прежде чем она успела ахнуть, влез в дверь. "Какая нагл..." - только и успела шепнуть дама. Сидевший в комнате, напоминающей келью, хотел было принять Робинского неласково, но взгляделся в него и выразил на своем лице улыбку. Оказалось, что сидевший учился в одном городе и в одной гимназии с Робинским. Порхнули одно или два воспоминания золотого детства. Затем Робинский изложил свою докучу - ему нужно ехать в Берлин, и весьма срочно. Причина - заболел нежно любимый и престарелый дядя. Робинский хочет поспеть на Курфюрстендамм закрыть дяде глаза. Сидящий за столом почесал затылок. Очень трудно выдают разрешения. Робинский прижал портфель к груди. Его могут не выпустить? Его? Робинского? Лояльнейшего и преданнейшего человека? Человека, сгорающего на советской работе? Нет! Он просто-напросто желал бы повидать того, у кого хватит духу Робинскому отказать...

Сидевший за столом был тронут. Заявив, что он вполне сочувствует Робинскому,

присовокупил, что он есть лишь лицо исполнительное. Две фотографические карточки? Вот они, пожалуйста. Справку из домкома? Вот она. Удостоверение от фининспектора? Пожалуйста.

- Друг, - нежно шепнул Робинский, склоняясь к сидевшему, - ответик мне завтра. Друг выпучил глаза.

- Однако!.. - сказал он и улыбнулся растерянно и восхищенно, - раньше недели случая не было..

- Дружок, - шепнул Робинский, - я понимаю. Для какого-нибудь подозрительного человека, о котором нужно справки собирать. Но для меня?..

Через минуту Робинский, серьезный и деловой, вышел из комнаты. В самом конце очереди, за человеком в красной феске с кипой бумаг в руках, стоял... Благовест.

Молчание длилось секунд десять.

Комментарии

Черновики романа. Тетрадь 1. 1928 - 1929 гг. - Роман начинался с предисловия, имеющего несколько вариантов. Сохранилась часть первого слова из названия предисловия "Божеств/енная/... (может быть, следующее слово - "комедия"?). Рассказ ведется от первого лица и начинается словами: "Клянусь честью..." Из обрывков текста можно понять, что автора заставило взяться за перо какое-то чудовищное происшествие и связано оно с посещением красной столицы (а в другом варианте текста - и других городов Союза республик, в том числе Ленинграда) "гражданином Азазелло".

Глава первая имела несколько названий: "Шестое доказательство", "Доказательство /инженера/", "Пролог"... По содержанию похожа на будущую главу "Никогда не разговаривайте с неизвестными", но насыщена многими подробностями, которые были в дальнейшем опущены. Например, указано время действия - июнь 1935 года. Детально описаны внешность, приметы и одежда героев - Берлиоза и Иванушки, что имеет немаловажное значение для установления их прототипов. Очень подробно рассказано о журнале "Богоборец" и о материалах, помещаемых в нем. Видимо, для Булгакова это было столь важно, что он в мельчайших подробностях описал жуткий карикатурный рисунок на Иисуса Христа, "к каковому... Берлиоз и просил Безродного приписать антирелигиозные стишки". Описание появившегося "незнакомца" взято автором повествования из следственного дела "115-го /отделения/ рабоче-крестьянской милиции", в котором была рубрика "Приметы". И приметы эти составляют 15 (!) страниц булгаковского текста. Любопытно также, что "незнакомец", прежде чем подойти к беседующей паре, покатался по воде на лодочке. Текст главы реконструировать полностью невозможно, поскольку десять листов подрезано под корешок тетради.

Вторую главу принято называть "Евангелие от Воланда", но это не точное название. В разметке первых глав, помещенной на одной из страниц, записано: "Евангелие от д/ьявола/". Но и это не первое название главы. Установить полностью название главы трудно, поскольку сохранилось лишь его последнее слово: "...ниссане...", крупно написанное красными чернилами, так же, как и следующая глава. Сохранились и кусочки текста из плана этой главы: "История у /Каиафы/ в ночь с 25 на 2/6/... 1) Разбудили Каи/афу/... 2) У Каиа/фы/.. 3) Утро..." Характерно, что над всем этим текстом Булгаков крупными буквами написал: "Delatores - доносчики".

Глава начинается с рассказа "незнакомца", который "прищурившись... вспоминал", как Иисуса Христа привели "прямо к Анне" (Анна - тесть

Каиафы, низложенный ранее первосвященник, фактически обладавший

реальной властью. - В. Л). По обрывкам слов можно понять, что Иисус подвергся допросу, при этом его обвиняли в самозванстве. В ответ Иисус улыбался... Затем состоялось заседание Синедриона, но в этом месте пять листов с убогим текстом обрезаны почти под корешок. Можно лишь предположить, что этот текст имел чрезвычайно важное значение для понимания реальной обстановки, сложившейся вокруг писателя в конце двадцатых годов, поскольку "исторические" главы прежде всего и имели скрытый подтекст. Видимо, в уничтоженном тексте просматривались реальные фигуры того времени.

Перед самым обрывом текста легко прочитывается фраза: "Я его ненавижу..." Скорее всего, эти слова принадлежат Иванушке, выразившему (скорее всего, мысленно) свое отношение к незнакомцу, ведущему рассказ. Что же касается реакции Берлиоза на рассказ и Воланда, то он, "не сводя /взора с иностранца, спросил/ вежливо: - Ну-с... поволокли его..."

Из текста, следующего после обрыва листов, можно легко разобрать, что Синедрион принял решение казнить самозванца, а убийцу Вараввана выпустить на свободу. Это свое решение Синедрион и препроводил Пилату.

Реакция Пилата была ужасной. Воланд продолжал свой рассказ внимательным слушателям.

"Впервые в жизни... я видел, как надменный прокуратор /Пилат/ не сумел... сдержать себя... /Он/ резко двинул рукой... /и опрокинул чашу с ординарным вином. Вино/ при этом расхлесталось по полу, чаша разбилась/ вдребезги и руки /Пилата обгадились/..."

- Ага-а, - проговорил... Берлиоз, с величайшим/ вниманием слушающий/ этот рассказ.

- Да-с, - продолжал... незнакомец. - Я слышал, как Пилат/ прошепел:

- O, gens scele /ratissi/ma, taeterrima /gens!/ {О племя греховнейшее, отвратительнейшее племя! (лат.)} Затем повернулся /лицом к/ Иешуа и / сказал, /гневно сверкнув глазами:

- /Благодари твоей язык, друг, а /не ужасного/ человека председа/теля синедриона/ Иосифа Каиафу..."

Далее описывалась известная сцена вынесения Пилатом приговора Иешуа. Воланд резюмировал это трагическое событие так:

"Таким образом, Пилат /вынес/ себе ужасающий приговор/..."

- Я содрогнулся, - продолжал незнакомец/... все покатилося..." Далее Воланд поведал о Веронике, которая пыталась во время тяжкого шествия на Лысый Череп утереть лицо Христу, и о сапожнике, помогавшем Иисусу нести тяжелый крест, и о самой казни. То есть во второй главе первой редакции сконцентрированы все те события, которые впоследствии были "разнесены" автором по нескольким "историческим" главам. В более поздние редакции романа не вошел ряд важных эпизодов главы (заседание Синедриона, шествие Иисуса Христа на казнь и некоторые другие).

Глава третья имеет четкое название - "Доказательство инженера". В ней наконец иностранец представляется друзьям-писателям, назвав себя профессором Вельяром Вельяровичем Воландом. Действует он по-прежнему в одиночестве, без помощников. Выступая как дьявол-искуситель, он своими провокационными выпадами против наивного Иванушки доводит последнего до состояния безумия, и тот разматывает им же нарисованное на песке изображение Христа. Но Воланд тем самым испытывал не столько Иванушку, сколько Берлиоза, которого и призывал остановить своего приятеля от безумного действия. Но Берлиоз, понимавший суть происходящего, уклонился от вмешательства и позволил Иванушке совершить роковой шаг. За что, собственно, и поплатился. Смерть Берлиоза описана в деталях, с жуткими подробностями. Не мог Булгаков простить лидерам писательского мира их полного духовного падения.

Четвертая и пятая главы в названии имели первым словом "Интермедия...". В разметке глав - "Интермедия..." (возможно, в "Шалаше" или в "Хижине"). Но для четвертой главы более подходит название "На ведомой квартире/", которое дано автором в подзаголовке. В этой небольшой главе рассказывается о некоей поэтессе

Степаниде Афанасьевне, которая все свое время делила "между ложем и телефоном" и разносила по Москве всевозможные небылицы и сплетни. Именно она распространила весть о гибели Берлиоза и о сумасшествии Иванушки. Исследователи, очевидно, справедливо полагают, что Булгаков намечал "разместить" Воланда именно в квартире Степаниды Афанасьевны, поэтому и глава названа "На ведьминой квартире". Но затем творческий замысел писателя несколько изменился, в результате чего и сама глава бесследно исчезла.

Пятая же глава, которую условно можно назвать "Интермедия в Шалаше Грибоедова", по содержанию незначительно отличается от последующих редакций. Но совершенно иной в первой редакции финал главы. Дежурившие в больнице санитары заметили убегающего черного пуделя "в шесть аршин". Это был Иванушка Бездомный. Более подробно с содержанием этих двух глав можно ознакомиться в "Литературном обозрении" э 5 за 1991 год, где читателям предложена попытка реконструкции их текста, подготовленная М. О. Чудаковой.

Следующая, шестая глава "Марш фюнебров" больше не встречается в других редакциях, хотя в ней рассказывается о довольно значительном событии - похоронах Берлиоза. Бежавший из больницы Иванушка появляется на процессии в виде трубочиста, внеся в ее ряды дикую сумятицу. Затем, овладев повозкой и телом друга, он мчится по Москве, сея вокруг ужас и панику. От такой езды покойник "вылез из гроба", и у очевидцев сложилось впечатление, что он "управляет колесницей". В конечном итоге колесница вместе с гробом сваливается на Крымском мосту в Москву-реку, но Иванушка чудом остается жив, упав до этого с козел. В мозгу у Ивана смешивается реальная действительность с рассказанными Воландом событиями, из его уст то и дело выскакивают мудреные словечки: "Понтийский Пилат", "синедрион"... Как выяснится в других главах, Иванушку вновь водворяют в лечебницу.

Главы седьмая - десятая соответствуют будущим главам "Волшебные деньги", "Степа Лиходеев", "В кабинете Римского" и "Белая магия и ее разоблачение". Правда, от потусторонней силы по-прежнему выступает один Воланд, а действующие герои имеют иные имена. Так, председателем жилищного товарищества является Никодим Гаврилыч Поротый, Варьете возглавляет Гарася Педулаев, его помощниками выступают Цупилиоти и Нютон, а Воланд отрывает голову Осипу Григорьевичу Благовесту. Весьма примечательны и некоторые читаемые фразы. Так, Воланд именует Гарасю Педулаева "алмазнейшим", а когда тот, вытаращив глаза, не может сообразить, кто же все-таки перед ним, заявляет: "Я - Воланд!.. Воланд я!.." Но неискушенный в литературе и мистике Гарася так и не может распознать своего собеседника. Кое-что он, видимо, начал соображать, когда вдруг оказался над крышей своего дома, а через мгновение очутился во Владикавказе.

Весьма важное значение имеет глава одиннадцатая, которая, к сожалению, плохо прочитывается, поскольку многие листы в ней обрезаны под корешок. Видимо, все же это было сделано не автором, а в значительно более позднее время. Главный герой этой главы некий специалист по демонологии Феся, плохо говоривший по-русски, но владевший имением в Подмоскovie. После революции этот специалист многие годы читал лекции в Художественных мастерских до того момента, пока в одной из газетных статей не появилось сообщение о том, что Феся в бытность свою помещиком измывался над мужиками в имении. Феся опроверг это сообщение довольно убедительно, заявив, что русского мужика он ни разу не видел в глаза. Сохранился полностью кусочек конца главы. Приводим его ниже:

"...в Охотных рядах покупал капусты. В треухе. Но он не произвел на меня впечатления зверя.

Через некоторое время Феся развернул иллюстрированный журнал и увидел своего знакомого мужика, правда, без треуха. Подпись под стариком была такая: "Граф Лев Николаевич Толстой".

Феся был потрясен.

- Клянусь Мадонной, - заметил он, - Россия необыкновенная страна! Графы в ней - вылитые мужики!

Таким образом, Феся не солгал". К сожалению, развития этот многообещающий

образ в последующих редакциях не получил. Правда, большая часть второй редакции была уничтожена автором, и поэтому мы не можем сказать, включалась в нее эта глава или нет.

О следующих четырех заключительных главах редакции, почти полностью сохранившихся, можно лишь сказать, что они не являются центральными и, возможно, поэтому остались нетронутыми. Содержание их мы не передаем, поскольку они публикуются в данном издании. Отметим лишь одну важную деталь: в главе тринадцатой "Якобы деньги" в окружении Воланда появляются новые персонажи - рожа с вытекшим глазом и провалившимся носом, маленький человечешко в черном берете, рыжая голая девица, два кота... Намечалась их грандиозная деятельность в "красной столице".

...гражданин Поротый... - Он же Никанор Иванович Босой.

...троцкистских прокламаций самого омерзительного содержания. - Писатель иронизирует по поводу бушевавшей тогда "борьбы с троцкизмом", но заодно пользуется случаем еще раз нелестно высказаться в адрес некогда грозного пролетарского вождя.

Второй кот оказался в странном месте... - Второй кот появляется и в следующей редакции романа. Видимо, писатель предполагал расширить свиту Воланда, включив в нее еще одного кота, но впоследствии отказался от этого замысла.

...на коей были вышиты кресты, но только кверху ногами. - Перевернутый крест - кощунственное отношение к распятию - символизирует радость лукавого.

...и нос вынужден был заткнуть... - На этом слове текст обрывается. Следующий лист оборван наполовину. Из сохранившегося текста можно понять, что Воланд выразил свое неудовольствие по поводу несвежей осетрины. Буфетчика же волновало другое - фальшивые деньги, он пытался выразить свои претензии по этому поводу. В ответ послышался возглас Воланда: "Бегемот!" - и далее по тексту.

Тут Суковский и Нютон... - Суковский - он же Библейский, Робинский, Близнецов, Римский.

Нютон - он же Благовест, Внучата, Варенуха.

...отравил жизнь Осипу Григорьевичу... - В последующих редакциях в этой роли выступил конферансье Мелунчи, он же Чембукчи, Жорж Бенгальский.

Аполлона Павловича выбросили... - В следующих редакциях - Аркадий Аполлонович Семплеяров.

...Педулаев... - В следующих редакциях - Степа Лиходеев.

"...черные скалы, вот мой покой..." - Ближе к тексту романа Шуберта "Приют" на слова Рельштаба.

Виктор Лосев